

Примером может служить Житие Кирилла Белозерского, написанное Пахомием Сербом. «Бяше же устав преподобного Кирилла в церкви. Никому с инем не беседовати, ниже вне церкви исходити преже скончания, но всем комуждо в своем уставленном чине и славословениях пребывати. Такжеде и к евангелию и святых икон поклонению устав по старчеству соблюдаху». Следует подробное описание обычаев самого Кирилла и его монахов и отмечается между прочим: «Мед же или ино питие елика пьянства имут, никакоже в монастыри обретати повеле, и тако блаженный сим уста в о м змиеву главу пьянства отреза».⁴⁸

Совершенно ясно, что речь здесь идет не о письменном уставе, но о укоренившемся обычном порядке жизни, которого придерживались в монастыре, причем образцу этого порядка дал сам основатель-святой своим личным поведением: «Сам же блаженный николи же в церкви стоя к стене приклонися, или безвременно поеде, но нозе его яко столпие бяху... комуждо бо от братии образ же и меру правилом блаженный даяше».⁴⁹ Из всего сказанного следует, что этот «Кириллов устав» — «обычай» монастыря, но не письменный документ.⁵⁰

Повторяется на Руси та же самая ситуация, которая привела византийских игуменов к составлению уставов и завещаний: когда знаменитый «отец»-игумен умирает, его братии, его ученикам, хочется иметь его «последнее слово», его завещание, чтобы личное влияние игумена на порядок жизни монастыря продолжалось и после его смерти. Это письменное завещание, в сущности, должно увековечить действие его личности и образа жизни на монастырь, чтобы «обычай» после его смерти не могли попасть «в небрежение», как это было в Кирилловом монастыре после смерти Кирилла.⁵¹

Ярким примером такого завещания, написанного по желанию ученика, является Завещание Пафнутия Боровского, известного учителя Иосифа Волоцкого. Это завещание записал его ученик Иннокентий.⁵² Завещание по своему содержанию не что иное, как монастырский устав, основная его мысль — «якоже мене видите творяща, и вы творите».⁵³

Но не каждая обитель могла славиться личностью своего основателя, который мог дать такой «высокий» пример своему монастырю. Даже в таких обителях эти «обычай» могли портиться, «превращаться», как это было в Кирилло-Белозерском монастыре.⁵⁴ Поэтому и на Руси епископы и митрополиты имели причины заботиться об условиях и порядках жизни в монастырях, им подчиненных, и писать им поучительные послания, которые служили данному монастырю в качестве монастырского устава. Такой уставной грамотой является послание архиепископа Дионисия Суздальского

⁴⁸ См.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII в. — Христианское чтение. СПб. 1907, август, стр. 157, прим. 1.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Легко было бы умножить примеры подобного употребления слова «устав» в древнерусской житийной литературе (см.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 155 и сл.).

⁵¹ См. выше, стр. 87.

⁵² «Вспрос Иннокентиев: Государь Пафнотей! Повели при своем животе написать завещание о монастырском строении, как братии по тебе жити и кому игумену быти повелиши». См. «Записку Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского» у В. Ключевского (Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, Приложение, стр. 446 и сл.).

⁵³ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 446 и сл.

⁵⁴ Источники говорят почти единогласно о том, что в XV в. «обычай» монахов «портились» в большом масштабе.